

© 2019 г.

С.А. НЕФЕДОВ

«ВЫЗОВЫ» И «ОТВЕТЫ» В ИСТОРИИ РОССИИ: ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

НЕФЕДОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (hist1@yandex.ru).

Аннотация. «Стратегия научно-технического развития Российской Федерации» рассматривает стоящие перед государством задачи в тойнбианской терминологии «вызовов и ответов». Эта тема не специфична для России XXI в. В предыдущих статьях анализировались вызовы, с которыми столкнулась Россия в XVII–XVIII вв. Развитие России в первой половине XIX в. происходило под знаком «вызовов» могущественных держав Европы. В начале столетия революционный французский вызов имел военный и идеологический характер. Ответом на этот вызов стали военные реформы; политические реформы были блокированы традиционалистской реакцией. В первой половине XIX в. продолжали действовать вызовы предыдущего периода. Одним из них был культурный вызов Франции; после того как в 1814 г. русские офицеры увидели Париж, дворянство пожелало жить по-парижски. Это вызвало потребительский бум, для оплаты соревнования в роскоши оброки и барщины крепостных были увеличены в два-три раза; крепостные были доведены до голода, смертность вызвала демографическую стагнацию. Другим вызовом, проявившимся еще в XVIII в., был вызов со стороны «регулярных государств» Центральной Европы, Пруссии и Австрии. Николай I воспринял этот вызов и достиг значительных успехов в создании регулирующей жизнь общества бюрократической абсолютной монархии.

Ключевые слова: стратегия научно-технического развития • А. Тойнби • вызовы и ответы • исторический опыт • XVIII век • импорт институтов • импорт технологий • Российская Федерация

DOI: 10.31857/S013216250005484-5

Постановка вопроса. В «Стратегии научно-технического развития Российской Федерации» подчеркивается, что «научно-техническое развитие определяется комплексом внешних и внутренних факторов, формирующих систему больших вызовов»; перечисляются вызовы, среди которых выделяются «исчерпание возможностей экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов», «потребность в обеспечении продовольственной безопасности», «военные угрозы» и т.д. Среди возможных ответов на эти вызовы упоминается импорт технологий и создание новых технологий – технологическое лидерство¹.

Работа выполнена по проекту фундаментальных исследований Комплексной программы Уральского отделения РАН «Российские модернизации: исторические вызовы и механизмы их преодоления» (№ 18-6-6-37). Статья продолжает серию статей, опубликованных в журнале: [Нефедов, 2017; 2018].

¹ Стратегия научно-технического развития Российской Федерации. URL: <http://sntrrf.ru/upload/iblock/dc8/УказПрезидентаРФоСтратегиинаучно-технологическогоразвитияРоссийскойФедерации.pdf> (дата обращения: 22.12.2018). С. 10.

Очевидно, большие вызовы такого рода – как и ответы на них – не специфичны для XXI в., поэтому для анализа возможных вызовов и ответов на них могут быть привлечены методы исторической социологии. В предыдущих статьях рассматривались вызовы, вставшие перед Россией в период от окончания Великой Смуты до смерти Павла I [Нефедов, 2017, 2018]. В настоящей статье рассматриваются проблемы первой половины XIX в.

Французский вызов: революционный аспект. Как отмечалось в предыдущей работе, одним из основных вызовов, стоявших перед Россией во второй половине XVIII в., был вызов со стороны германских «регулярных государств», Пруссии и Австрии. Это были абсолютные монархии, построенные на началах прусского «Ordnung», сочетания военной дисциплины и бюрократического порядка. Павел I стремился заимствовать эти порядки, но его реформы натолкнулись на традиционалистскую реакцию и завершились неудачей. При Александре I вернулись «дворянские вольности» времен Екатерины II; дисциплина в армии и в гражданских учреждениях ослабла, снова распространилась коррупция, дворяне могли беспрепятственно увеличивать крестьянские барщины и оброки.

Вставший перед Россией вызов Французской революции поначалу имел идеологический характер, идеи революции увлекали немногочисленных русских республиканцев, преимущественно из числа молодых дворян. Однако неожиданным образом в числе поклонников этих идей оказался наследник русского престола Александр Павлович. Волею случая наставником Александра стал Фридрих-Цезарь Лагарп, французский республиканец, впоследствии ставший одним из руководителей Гельветической республики. По собственному признанию Александра, он был обязан Лагарпу «всею, кроме рождения» [Сафонов, 1988: 43]. В 1797 г. вокруг наследника образовался кружок «молодых друзей», план которых состоял в постепенных преобразованиях «сверху» с целью введения конституции. Однако, вступив на престол, Александр вскоре понял, что реализация этого плана невозможна в обстановке, когда все важные дела решал состоявший из вельмож Непременный Совет. Далеко идущие замыслы были отложены на неопределенное будущее.

Между тем победы Наполеона придали революционному вызову военный характер. Для противников Франции Наполеон был символом Французской революции, однако его победы были не просто победами воодушевленных идеями свободы революционных армий. Эти победы были связаны с появлением новой военной технологии, в основе которой лежала тактика колонн и появление мобильной артиллерии. В 1734 г. работавший во Франции швейцарский мастер Жан Мариц изобрел горизонтальный сверлильный стан – мощную сверлильную машину с приводом от водяного колеса. Высверленный канал получался гладким, без каверн. Стало возможным, сохраняя мощь орудия, значительно уменьшить пороховой заряд; стенки ствола можно было делать более тонкими. В 1770-х гг. под руководством генерала Ж.-Б. Грибоваля было налажено производство орудий нового типа. В итоге, мощные 6-фунтовые пушки стали мобильнее; батареи могли маневрировать на поле боя и перебрасываться к намеченному участку. Наполеон использовал артиллерийский маневр в сочетании с тактикой колонн: после шквального обстрела на прорыв шла сомкнутая колонна, которая пробивала линии противника своей массой [Дживелегов, 1923: 68].

Новая военная технология обеспечила победы Наполеона и заставила его противников заимствовать французские образцы. Разгромленная Пруссия сразу же приняла тактику колонн, ввела всеобщую воинскую повинность и открыла доступ в офицеры недворянам. Французские победы заставляли модернизировать по французскому образцу и общественные устои. Под влиянием Франции были освобождены крестьяне. Прусский король Фридрих-Вильгельм III обещал своему народу ввести конституцию – но забыл о своем обещании после поражения Наполеона [Германская, 1970: 186–187].

Ответ России на вызов Наполеона имел, прежде всего, военный характер. Под руководством А.А. Аракчеева была реформирована артиллерия и налажено производство пушек системы Грибоваля. Новый пехотный устав ориентировал офицеров на использование тактики колонн. В 1808–1810 гг. русские пехотные батальоны получили организацию и ружья французского образца, – новый пример импорта технологий [Строков, 1965: 148].

Как обычно, заимствования в военной сфере вскоре сомкнулись с идейным влиянием и повлекли за собой заимствования в политической сфере. Эти заимствования проявились, прежде всего, в созданном ближайшим помощником Александра статс-секретарем М.М. Сперанским проекте конституции (введение Государственного совета, разделение властей, иерархия выборных местных дум и др.). «Он хотел насадить на русской почве те же порядки, которые, по его представлению, превратили Францию в первую страну в мире», – писал Е.В. Тарле о Сперанском [Тарле, 1992: 244]. Наиболее важным обстоятельством было то, что конституция предоставляла гражданские права (во всяком случае, некоторые права) крепостным крестьянам. «Богатые помещики, имеющие крепостных, – свидетельствует Д.П. Рунич, – теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право» (цит. по: [Мироненко, 1989: 30–31]).

Оппозиция преобразованиям вызвала традиционалистскую реакцию – в первую очередь дворянской элиты. В правление Александра слухи о заговорах, угрозы и резкая критика в адрес императора были постоянным явлением. Поэтому, пишет М.М. Сафонов, широко задуманная программа социально-экономических и политических реформ свелась к административным преобразованиям. Александр I был вынужден отправить Сперанского в отставку [Сафонов, 1988: 243].

В 1812 г. французский вызов принял чрезвычайно опасный характер. Вторжение Наполеона угрожало всей социальной системе России, построенной на дворянских привилегиях и крепостной неволе. А.А. Казеветтер отмечал, что частные письма помещиков были переполнены указаниями на то, что русское дворянство в первую очередь страшилось не французов, а собственных крепостных крестьян [Казеветтер, 1997: 277]. Вторжение могло привести к освобождению крестьян, и Наполеон рассматривал такую возможность. «Дайте мне знать, – писал император Евгению Богарне в августе 1812 г., – какого рода декреты и прокламации нужны, чтобы возбудить в России мятеж крестьян и сплотить их» (цит. по: [Манфред, 1971: 636]). Однако император не воспользовался возможностью породить смуту в лагере противника.

Наполеон потерпел поражение прежде всего потому, что его противники переняли его военную технологию. Однако вызов был настолько мощным, что его идейное влияние сказывалось и после поражения Наполеона. В 1815 г. Александр даровал конституцию Царству Польскому, которое составилось из уступленной России по Венскому конгрессу части бывшего герцогства Варшавского. Эта конституция, в частности, провозглашала равенство сословий перед законом и свободу печати. При открытии польского сейма в 1818 г. царь намекнул, что конституционные начала, дарованные Польше, он предполагает распространить на всю империю [Мироненко, 1989: 170].

Современники сознавали, что движение по пути к конституции и политическим свободам связано с освобождением крестьян. Император намеревался энергично приступить к решению крестьянского вопроса. В 1816–1819 гг. были освобождены крестьяне в прибалтийских губерниях и составлены несколько проектов освобождения помещичьих крестьян в русских губерниях. Во время посещения Малороссии в 1818 г. Александр в публичной речи объявил о своих намерениях, но это вызвало резкую оппозицию дворянского собрания. В московских салонах снова, как во времена Сперанского, дошло до угроз в адрес императора. Традиционалистская реакция снова блокировала проекты Александра I [Экштут, 2004: 31; Мироненко, 1989: 115].

В то время как придворная аристократия и провинциальное дворянство выступали против прозападных реформ, дворянская молодежь в значительной части была увлечена конституционными идеями. После войны французское влияние подчинило себе не только Александра и его ближайших друзей. Декабрист М.А. Фонвизин вспоминал: «В походах на Германию и Францию наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнее впечатление, что они могли сравнивать все виденное с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине» [Мироненко, 1989: 63]. «Дворяне, возвратившиеся из чужих краев с войском, привезли начала, противные

собственным их пользам и спокойствию государства, – писал В.Н. Каразин. – Молодые люди первых фамилий восхищаются французской вольностью и не скрывают своего желания ввести ее в своем отечестве» [Мироненко, 1989: 128].

Как дореволюционная либеральная, так и значительная часть современной западной историографии рассматривают декабристское движение исключительно как продукт западного влияния – «вестернизации» [Федоров, 1992: 45]. Это был ответ просвещенной части русского общества на вызов Наполеона и Французской революции – как и во времена Петра I речь шла не только об импорте технологий, но и об импорте социальных институтов.

На вызов Французской революции отвечали и другие европейские страны. В начале 1820 г. вспыхнула революция в Испании, быстро распространившаяся на Италию; Южная Италия погрузилась в хаос междоусобной войны. Эти события привели к резкой перемене в политических взглядах Александра. Царь понял, что либеральные преобразования несут в себе угрозу политической стабильности Европы и России. В августе 1820 г. Александр писал главе австрийского правительства Меттерниху: «Я неправильно судил об обществе, сегодня я нахожу ложным то, что мне казалось истинным вчера» (цит. по: [Валлотон, 1991: 268]). Меттерних был главным идеологом традиционалистской реакции против французского влияния. Во время конгресса в Троппау он в длительных беседах с императором приложил все усилия, чтобы убедить Александра в существовании общеевропейского революционного заговора. Подчиняясь влиянию Меттерниха и российских консерваторов, Александр I отложил в сторону проекты реформ [Мироненко, 1989: 216–221].

Это вызвало кризис в среде декабристов, часть либералов отошла от движения, но радикально настроенные элементы продолжали агитацию. Испанская революция убедила их в возможности успеха военного переворота и в России – они приняли курс на «pronunciamiento». Некоторые агитационные произведения декабристов стали оформляться в стиле испанского катехизиса, а отдельные положения испанской конституции 1812 года вошли в проект конституции Н.М. Муравьева. Однако попытка военного переворота закончилась неудачей [Орлик, 1975: 75, 86, 93].

Французский вызов: культурный аспект. В предыдущей статье отмечалось, что французское влияние в России до революции в культурной сфере было определяющим. Изысканная французская культура, отождествляемая с Версалем и «Комеди Франсез», была порождением аристократизма; ее проникновение в Россию при Екатерине II привело к потребительскому буму, к соревнованию дворян в роскоши одежд и дворцов [Нефедов, 2018]. После победы над Наполеоном потребительский бум приобрел еще большие масштабы. Вернувшись победителями из Парижа, русские дворяне пожелали жить по-парижски. В то время как малая часть дворянства в ответ на французский вызов преисполнилась революционными идеями, основная часть дворянства ответила новым раундом соревнования в роскоши.

«Когда после 1812 года среднее дворянство познакомилось с Западной Европой, – свидетельствует барон Гастгаузен, – с ее роскошью и комфортом, оно не могло уже удовлетвориться своей домашней жизнью, оно начало презирать обычаи старины и стремиться перенести европейскую жизнь в свое отечество. Это стоило очень дорого, а так как дворянство издавна было склонно к роскоши, то вошло теперь в непомерные долги... Положение крепостных крестьян стало через это еще хуже, так как новые господа смотрели на них уже исключительно как на средство, как на машины для зарабатывания денег» [Гастгаузен, 2017: 115]. «По сравнению с российскими сановниками... даже крупные прусские помещики выглядели как жалкие скряги», – отмечает И.Ф. Гиндин [Гиндин, 1968: 338]. «“Жизнь не по средствам” вело множество помещиков, – указывает Н.И. Яковкина. – Столичное дворянство чуть ли не поголовно было в долгах. Причина этого крылась не столько в дороговизне предметов роскоши... сколько в господствовавшем еще с конца XVIII века убеждении в необходимости “широкого” образа жизни. Представление о том, что истинно дворянское поведение заключается не только в тратах, но именно в тратах чрезмерных, не по средствам, прочно укоренилось в дворянской среде. Отсюда – необычайная роскошь

дворцов, празднеств и даже обычного обихода столичной знати, безумные проигрыши в карты, различные фантастические затеи» [Яковкина, 2002: 12].

Волна потребительства предопределила новую волну повышения оброков, которая превзошла все, что было до тех пор. В 1815–1828 гг. денежные оброки возросли в два-три раза. По сравнению с концом XVIII в. средняя норма барщинной запашки увеличилась в два раза. Для интенсификации труда использовалась урочная система, время на выполнение «уроков» было урезано вдвое по сравнению с нормами конца XVIII в. [Ковальченко, 1967: 278, 389]. Многочисленные свидетельства говорят о том, что постоянно занятые на барщине крестьяне не успевали производить работы на своем участке – хотя работали от восхода до заката, и в воскресные, и в праздничные дни, а иногда и ночью. Сплошь и рядом крестьянам приходилось употреблять в пищу незрелое или проросшее зерно; из-за нехватки времени муку не очищали от спорыньи, и такой хлеб был вреден для здоровья [Милов, 1998: 358, 366, 400].

В урожайные годы остававшегося у крестьян зерна хватало на пропитание, но в неурожайные годы наступал голод. После резкого увеличения оброков и барщины у крестьян не было запасов хлеба, и каждый неурожай приводил к резкому росту цен и к голоду. Неурожай и голод на Черноземье отмечался в 1833–1834, 1839–1840, 1848, 1856 гг. «В голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно, – писал в 1841 г. А.П. Заблоцкий-Десятковский. – Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома – все идет в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется, у него делается понос, он пухнет или сохнет. Являются страшные болезни... У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут как мухи» [Заблоцкий-Десятковский, 1882: 328]. Постоянное недоедание снижало сопротивляемость организма и увеличивало опасность распространения эпидемий. В 1848 г., по данным Министерства внутренних дел, только от холеры погибло 668 тыс. человек, а в целом по России, по некоторым оценкам, число жертв эпидемии и голода в 1847–1849 гг. составляло около одного миллиона [Нифонтов, 1949: 43]. Увеличение смертности от голода и эпидемий привело к резкому замедлению демографического роста, к демографической стагнации. В таблице приведены данные о динамике численности населения в 21 губернии Центральной России – в регионе наибольшего развития крепостничества.

Среднегодовой прирост, указанный в таблице, – это так называемый брутто-коэффициент естественного прироста, показывающий средний прирост населения за год с учетом миграций. Однако миграции в этот период были незначительными, например, в 1826–1842 гг. из Белоруссии и Литвы переселялось в среднем 0,07‰ населения в год (подсчитано по: [Кабузан, 1971: 43]). Из таблицы видно: среднегодовой прирост населения уменьшился втрое – с 7,9 до 2,5‰. При этом, чем больше было крепостных в губернии, тем меньше был естественный прирост. Там, где крепостных было больше всего – в Минской, Смоленской, Могилевской губерниях – среднегодовой прирост был отрицательным, население вымирало. Там, где крепостных было меньше всего – например, в Воронежской губернии, среднегодовой прирост был больше, чем в других областях. Можно подсчитать коэффициент корреляции между долей крепостных в населении (столбец 2) и среднегодовым приростом в 1833–1850 гг. (последний столбец). Он оказывается равным 0,785, то есть доля крепостных объясняет различия в среднегодовом приросте на 62%. Демографическая стагнация была результатом увеличения оброков и барщин, которыми помещики обременяли крепостных. После отмены крепостного права демографический рост резко ускорился [Нефедов, 2011: 430].

Демографическая стагнация – ответ податного населения на французский культурный вызов. Разумеется, ответ принял такой характер в результате резкого социального расслоения, господства крепостного права, при котором помещик ради исполнения своих «культурных» запросов и прихотей мог возложить на крепостного любые, самые тяжелые обязанности. Постоянно повторявшийся голод свидетельствовал о том, что изначальный вызов, трансформируясь, принимал более острые формы. Эти формы выделены в «Стратегии...» как

Таблица

Динамика численности населения в Центральной России, 1795–1850 гг.

Губерния	Доля крепостных в населении в 1850 г. (%)	Численность податного населения (тыс. чел.)			Среднегодовой прирост (%)	
		1795	1833	1850	1795–1833	1833–1850
Минская	62	435	519	513	6,3	–0,7
Костромская	60	407	472	477	5,3	0,6
Смоленская	72	478	520	518	3,0	–0,2
Калужская	63	384	456	463	6,2	0,9
Могилевская	68	395	423	417	2,5	–0,8
Ярославская	60	384	424	434	3,6	1,4
Тульская	71	450	545	552	6,9	0,8
Владимирская	58	461	546	550	6,1	0,4
Рязанская	58	452	614	652	11,0	3,5
Тамбовская	42	520	776	819	14,4	3,1
Витебская	60	367	370	376	0,3	1,0
Новгородская	45	313	408	437	9,5	4,1
Нижегородская	61	423	520	545	7,3	2,8
Орловская	50	501	664	707	10,1	3,7
Тверская	53	497	624	660	8,2	3,3
Черниговская	38	529	644	676	7,0	2,9
Курская	41	593	757	832	8,8	5,5
Московская	45	481	633	649	9,8	1,5
Харьковская	31	495	636	679	9,0	3,9
Воронежская	28	448	731	816	17,6	6,5
Полтавская	34	673	779	810	5,3	2,3
21 губерния	50	9686	12060	12580	7,9	2,5

Источник: [Кабузан, 1971: 146–164]. Среднегодовой прирост рассчитан по данным о численности населения.

«исчерпание возможностей экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов» и «потребность в обеспечении продовольственной безопасности». Эти новые вызовы требовали адекватного ответа, тем более, что в обстановке голода начались крестьянские волнения, в 1848 г. было зарегистрировано 160 волнений – число, примерно в четыре раза превышающее среднегодовой уровень [Нифонтов, 1949: 110–111]. Заслуживает внимания то обстоятельство, что после кризиса 1848 г. стала проявляться связь между количеством крестьянских волнений и уровнем смертности – то есть уровнем материальных тягот, которые несло на себе крестьянство. В 1848–1856 гг. коэффициент корреляции между смертностью и числом волнений равнялся 0,89, причем кривая волнений повторяла кривую смертности с запозданием на один год [Нефедов, 2011: 254]. Ответ крепостного крестьянства на дворянский потребительский бум становился все более активным.

Прусский вызов. Как отмечалось в предыдущей статье, прусский вызов XVIII в. был связан с военными победами Фридриха Великого и ореолом прусского «Ordnung» – порядка «регулярного государства» с правильно организованной бюрократией. Пруссия оправилась после понесенного в 1806 г. поражения, провела реформы и смогла внести значительный вклад в победу над Наполеоном. Таким образом, отождествляемая с Пруссией (и отчасти с Австрией) идея абсолютистского «регулярного государства» оставалась привлекательной для других монархий; после Венского конгресса она получила оформление в «Акте Священного союза». «Их величества, – говорится во второй статье

Акта, – с нежнейшим попечением убеждают своих подданных со дня на день утверждаться в правилах и деятельном исполнении обязанностей, в которых наставил человека божественный спаситель»² [Акт]. Очевидно, речь здесь идет о правилах и регламентах, которые предписывало своим подданным «регулярное государство» от имени Господа Бога.

Возвращению к ориентации России на немецкий культурный круг отчасти способствовало воспитание императора Николая Павловича. Его учителем был немец, начальник кадетского корпуса генерал Ламздорф, наставлявший великого князя в духе немецкой дисциплины и порядка. В конечном счете, из Николая получился отличный кадет, который вел спартанский образ жизни, пил только воду, великолепно выполнял ружейные приемы и при необходимости спал на соломе. Естественно, воспитанный в немецкой дисциплине наследник, обнаружив отсутствие дисциплины и обучения во вверенных ему гвардейских частях, сразу же стал наводить порядок [Тарасов, 2002: 88, 203–207]. Став императором, Николай I продолжил наведение порядка в гражданских ведомствах. «Он сам лично ревизовал ближайшие столичные учреждения... – писал В. О. Ключевский. – В губернии он разослал доверенных сановников для производства строгой ревизии. Вскрылись ужасающие подробности; обнаружилось, например, что в Петербурге, в центре, ни одна касса никогда не проверялась; все денежные отчеты составлялись заведомо фальшиво, несколько чиновников с сотнями тысяч пропали без вести. В судебных местах император нашел два миллиона дел, по которым в тюрьмах сидело 127 тысяч человек. Сенатские указы оставались без последствий подчиненными учреждениями. Губернаторам назначен был годовой срок для очистки неисполненных дел; император сократил этот срок до трех месяцев, дав неисправным губернаторам положительное и прямое обещание отдать их под суд» [Ключевский, 1937: 336–337].

Возрождение регулярного государства проявилось прежде всего в создании всеобъемлющего «Свода законов Российской империи». Однако это был лишь «генеральный регламент» в бесчисленном море регламентов и установлений. В соответствии с теорией регулярного государства правительство выпускало тысячи предписаний, регламентируя всю жизнь общества. «Всеобщее представление было таково, что все должно быть приказано и предопределено свыше, – писал В.В. Леонтович. – Всякая инициатива, исходящая от самого населения, отклонялась как нечто недопустимое, как выражение недоверия к правительству... Действительно, правительство при Николае не сомневалось в том, что оно одно призвано решать все государственные проблемы, все приводить в порядок и все проверять, и что оно все это может» [Леонтович, 1995: 164–165].

Для всеобщей регламентации требовалось решительное расширение бюрократического аппарата. За полвека (1796–1847) количество ранговых чиновников возросло с 15 до 62 тыс. – государственный аппарат рос в три раза быстрее, чем численность населения [Зайончковский, 1995: 67, 70]. С целью обучения нового поколения чиновников была создана сеть гимназий немецкого образца. Какая-то часть русских чиновников позаимствовала у немцев дисциплину и исполнительность, но далеко не все – поэтому Николай I предпочитал иметь на высших должностях настоящих немцев. В те времена формулярные списки чиновников не содержали сведений о национальности, но среди членов Государственного Совета в 1853 г. было 17% лютеран (и много лиц с немецкими фамилиями, исповадовавших православие) [Зайончковский, 1995: 130]. «В немецких офицерах и чиновниках русское правительство находит именно то, что ему надобно, – писал А.И. Герцен, – точность и бесстрашие машины, молчаливость глухонемых, стоицизм послушания при любых обстоятельствах, усидчивость в работе, не знающая усталости. Добавьте к этому известную честность (очень редкую среди русских) и как раз столько образованности, сколько требует их должность...» [Герцен, 1956: 176]. Таким образом, ответом на прусский вызов была регламентация жизни общества с помощью бюрократии немецкого образца.

² Акт Священного союза. URL: http://eos.ibi.spb.ru/umk/1_1/6/6_P8_R1_T14.html (дата обращения: 22.12.2018).

Немецкое засилье вызвало традиционалистскую реакцию, которая проявилась в движении «славянофилов». Славянофилы хорошо видели «немецкую» сущность николаевского режима, и Ю.Ф. Самарин осмелился откровенно писать об этом в своих «Письмах об Остзейском крае». Ему пришлось некоторое время провести в тюрьме. «Ты пустил в народ опасную идею, – объяснил Николай I Самарину, – толкуя, что русские цари со времен Петра Великого действовали только по внушению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ, она произведет ужасные бедствия» (цит. по: [Гросул и др., 2000: 125]).

Примером всеобщей регламентации в духе «регулярного государства» стала реформа государственных крестьян, проведенная ближайшим помощником императора, графом П.Д. Киселевым. В государственной деревне был наведен порядок – в том числе в отношении сбора налогов (где прежде имелись многочисленные хищения) [Дружинин, 1946: 496, 530, 567].

Политика монархии в отношении крепостничества в значительной мере определялась прусским вызовом – в «регулярных государствах», в Пруссии и в Австрии, крестьяне были лично свободны. Россия оставалась единственной крепостнической (многие считали – рабовладельческой) страной в Европе, и это обстоятельство подрывало престиж империи. Разговаривая с П.Д. Киселевым, Николай I называл вещи своими именами: он говорил, что готовится вести «процесс... против *рабства*, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи» [Семевский, 1888: 20]. В 1841 г. император поручил Киселеву разработать закон об обязательной инвентаризации, по которому планировалось регламентировать крестьянские повинности по образцу урбаральной реформы Марии Терезии и Иосифа II. Однако Николай I был вынужден отступить перед сплоченным сопротивлением высшей знати и согласился на исключительно добровольное введение инвентарей. Естественно, помещиков, добровольно желающих ограничить свои права, нашлось немного [Дружинин, 1946: 611–614, 625].

Положение стало более острым в 1847–1848 гг., когда голод и эпидемии приняли катастрофический характер. Правительство было вынуждено принимать экстренные меры. Местные власти оказывали давление на помещиков, требовали от них выдачи подписок-обязательств о прокормлении крестьян до нового урожая и об обеспечении посева весной. Помещикам выдавались ссуды для приобретения посевного зерна, а в случае растраты этих ссуд их имения передавались в опеку. Власти организовали общественные работы, бесплатно выдавали паспорта отходникам. В деревнях на случай неурожая создавались запасные хлебные магазины [Игнатович, 1925: 9–14]. В 1848 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский предложил новый проект введения инвентарей, и хотя он не был принят, правительство силой провело инвентаризацию в западных губерниях [Дружинин, 1946: 52]. Последним в ряду николаевских указов об ограничении крепостного права был секретный указ 1853 г. о неукоснительном исполнении забытого павловского закона о трехдневной барщине. Этот указ был издан после подавления крестьянского восстания в Ставропольском крае и в преддверии Крымской войны, которая – уже после смерти царя – поставила вопрос об окончательной отмене крепостничества [Игнатович, 1925: 349].

Заключение. Подводя итоги, можно констатировать, что развитие России в первой половине XIX в. происходило под знаком «вызовов», исходивших от могущественных держав Европы. В начале столетия основным был революционный французский вызов, который имел как военный, так и идеологический характер. В военной сфере ответ на него был дан реформой Аракчеева и освоением французской тактики колонн. В идеологической и политической сферах все свелось к проектам реформ, которые были блокированы традиционалистской реакцией (а также к выступлению декабристов).

В первой половине XIX в. продолжали действовать вызовы предыдущего периода. Одним из них был культурный вызов Франции; после того как в 1814 г. русские офицеры своими глазами увидели Париж, дворянство пожелало жить по-парижски. Это вызвало новый потребительский бум, причем для оплаты соревнования в роскоши оброки и барщины крепостных были увеличены в два-три раза, что довело крепостных до голода, к голоду присоединилась холера, увеличение смертности вызвало демографическую стагнацию. В конечном счете вызов принял более опасную форму нарушения продовольственной безопасности.

Другим вызовом, проявившимся еще в XVIII в., был вызов со стороны «регулярных государств» Центральной Европы, Пруссии и Австрии. Построение регулярного государства подразумевало создание регулирующей жизнь общества бюрократической абсолютной монархии. В этом состояла цель Николая I, но, хотя император добился успехов, он не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы провести назревшие реформы. В итоге, для отмены крепостного права потребовался еще один вызов со стороны Европы – вызов промышленной революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валлотон А. Александр I. М.: Прогресс, 1991.
- Гастгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и особенности сельских учреждений России. М.: Ин-т русской цивилизации, 2017.
- Германская история. Т. 1. М.: Наука, 1970.
- Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 7. М.: Издательство АН СССР, 1956.
- Гиндин И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М.: Госфиниздат, 1968. С. 321–356.
- Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Дживелегов А.К. Армия Великой французской революции и ее вожди. М.: Книга, 1923.
- Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. I. М.-Л.: АН СССР, 1946.
- Заблоцкий-Десятковский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Т. IV. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882.
- Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978.
- Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л.: Мысль, 1925.
- Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1971.
- Казеветтер А.А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
- Ковалченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: МГУ, 1967.
- Леонтович В.В. История либерализма в России. 1702–1914. М.: Русское слово, 1995.
- Манфред А.Э. Наполеон. М.: Мысль, 1971.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
- Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989.
- Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России (на примере допетровских и петровских реформ, 1615–1725 гг.) // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 78–87.
- Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России XVIII века // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 120–129.
- Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. М.: Территория будущего, 2011.
- Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М.: Наука, 1949.
- Орлик О.В. Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975.
- Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988.
- Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. II. СПб: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1888.
- Строков А.А. История военного искусства. Т. 2. М.: Военное издательство, 1965.
- Тарасов Б.Н. Николай Первый и его время. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Тарле Е.В. Наполеон. М.: Пресса, 1992.
- Федоров В.А. Декабристы и их время. М.: МГУ, 1992.
- Экштут С.А. Александр I. Его сподвижники. Декабристы: в поисках исторической альтернативы. СПб.: Логос, 2004.
- Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб.: Лань, 2002.

Статья поступила: 13.02.19. Принята к публикации: 11.03.19.

«CHALLENGES» AND «RESPONSES» IN RUSSIAN HISTORY: THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

NEFEDOV S.A.

Ural Federal University, Russia

Sergey A. NEFEDOV, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Prof., Ural Federal University, Leading Researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia (hist1@yandex.ru).

Acknowledgement. The article is written within the project «Russian Modernizations: Historical Challenges and Mechanisms for their Overcoming» implemented within the framework of the UrB RAS program «Socio-economic and humanitarian problems of society development».

Abstract. The «Strategy of the Scientific and Technological Development of the Russian Federation» considers the tasks facing the state in the term of «challenge and answers». The topic of challenges and answers that Russia has encountered is not new and is not something specific for the 21st century. In previous articles, the challenges that Russia faced in the 17–18th centuries were analyzed.

The article shows that the development of Russia in the first half of the 19th century was impacted by challenges posed by the powers of Europe. At the beginning of the century, the main was the revolutionary French challenge of both military and ideological character. In the military sphere, the answer to it was given by mastering the French tactics of the columns. However, political reforms were blocked by the traditionalist reaction.

Also, in the first half of the 19th century, the challenges of the previous period persisted. One of these was the cultural challenge of France; this challenge sounded with renewed vigor after Russian officers saw Paris in 1814. The nobility wished to live in Russia like in Paris. This caused a new consumer boom. The duties of serfs were increased two to three times to pay for competition in luxury. Excessive duties brought the peasants to starvation; cholera joined the famine; an increase in mortality caused demographic stagnation. Ultimately, the challenge took a more dangerous form of food insecurity.

Another challenge emerging as early as the 18th century was a challenge from the «regular states» of Central Europe, Prussia and Austria. The construction of a regular state meant the creation of a bureaucratic absolute monarchy regulating the life of society. This was the goal of Nicholas I. However, although the emperor had achieved considerable success, he did not feel strong enough to eliminate serfdom.

Keywords: Russian Federation, scientific and technological development strategy, Toynbee, Challenges and Responses, historical experience, 18th century, import of institutions, import of technologies.

REFERENCES

- Casevetter A.A. (1997) *Historical Silhouettes*. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russ.)
- Druzhinin N.M. (1946) *State Peasants and the Reform of P.D. Kiselev*. Vol. I. Moscow-Leningrad: AN SSSR. (In Russ.)
- Dzhivelegov A.K. (1923) *Army of the Great French Revolution and Its Leaders*. Moscow: Kniga. (In Russ.)
- Ekshtut S.A. (2004) *Alexander I. His Companions. Decembrists: in Search of a Historical Alternative*. Saint-Petersburg: Logos. (In Russ.)
- Fedorov V.A. (1992) *The Decembrists and Their Time*. Moscow: MGU. (In Russ.)
- Gastgauzen A. (2017) *Study of the Internal Relations of People's Life and Especially of Rural Institutions in Russia*. Moscow: In-t russkoj tsivilizatsii. (In Russ.)
- German History*. Vol. 1. (1970). Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Gindin I.F. (1968). Pre-capitalist Banks of Russia and Their Influence on Landowner Land Ownership. In: *The Emergence of Capitalism in Industry and Agriculture in Europe, Asia and America*. Moscow: Gosfinizdat: 321–356. (In Russ.)
- Grosul V.Ya., Itenberg G.S., Tvardovskaya V.A., Shatsillo K.F., Eymontova R.G. (2000) *Russian Conservatism of the 19th Century. Ideology and Practice*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Herzen A.I. (1956) *Collected Works* in 30 volumes. Vol. 7. Moscow: AN SSSR. (In Russ.)
- Ignatovich I.I. (1925) *Landlord Peasants on the Eve of Liberation*. Leningrad: Mysl'. (In Russ.)
- Kabuzan V.M. (1971) *Changes in the Distribution of the Population of Russia in the XVIII – First Half of the XIX Century*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Klyuchevsky V.O. (1937) *The Course of Russian History*. Part V. Moscow: Gos. soc.-ekon. izd.-vo. (In Russ.)
- Kovalchenko I.D. (1967) *The Russian Serf Peasantry in the First Half of the Nineteenth Century*. Moscow: MGU. (In Russ.)
- Leontovich V.V. *The History of Liberalism in Russia. 1702–1914*. Moscow: Russkoe slovo, 1995. (In Russ.)

- Manfred A.E. (1971) *Napoleon*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Milov L.V. (1998) *The Great Russian Plowman and Peculiarities of the Russian Historical Process*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Mironenko S.V. (1989) *Autocracy and Reforms. The Political Struggle in Russia at the Beginning of the XIX Century*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2011) *History of Russia. Factor Analysis*. Vol. II. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2017) «Challenges» and «Answers» in the History of Russia (on the Example of the pre-Petrine and Peter Reforms, 1615–1725). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 78–87. (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2018) «Challenges» and «Answers» in the History of Russia in the 18th Century. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 120–129. (In Russ.)
- Nifontov A.S. (1949) *Russia in 1848*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Orlik O.V. (1975) *Decembrists and the European Liberation Movement*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Safonov M. (1988) *Problem of Reforms in the Government Policy of Russia at the Turn of the 18th and 19th Centuries*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- Semevsky V.I. (1888) *The Peasant Question in Russia in the XVIII and in the First Half of the XIX Century*. Vol. II. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za». (In Russ.)
- Strokov A.A. (1965) *History of Military Art*. Vol. 2. Moscow: Voennoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Tarasov B.N. (2002) *Nikolay I and His Time*. Moscow: Olma-Press. (In Russ.)
- Tarle E.V. (1992) *Napoleon*. Moscow: Pressa. (In Russ.)
- Vallotton A. (1991) *Alexander I*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Yakovkina N.I. (2002) *The Russian Nobility of the First Half of the XIX Century. Life and Traditions*. Saint-Petersburg: Lan'. (In Russ.)
- Zablotsky-Desyatkovsky A.P. (1882) *Graf P.D. Kiselev and His Time*. Vol. IV. Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. (In Russ.)
- Zayonchkovsky P.A. (1978) *The Government Apparatus of Autocratic Russia in the Nineteenth Century*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Received: 13.02.19. Accepted: 11.03.19.